

Джеймс Оливер Кервуд

ДОЛИНА
МОЛЧАЛИВЫХ
ВЕЛИКАНОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 36

James Oliver Curwood
THE RIVER'S END
THE VALLEY OF SILENT MEN
THE FLAMING FOREST

Перевод с английского
Владимира Гришечкина, Анны Гуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации
Уолта Лаудербека, Дина Корнуэлла

ISBN 978-5-389-34281-1

© В. А. Гришечкин, перевод, 2026
© А. Е. Гурова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА I

Дервент Коннистон из Северо-Западной Его Величества¹ конной полиции и объявленный в розыск преступник Джон Кейд были похожи как две капли воды. Бóльшего сходства нельзя было ожидать и от близнецов. Разумеется, оба прекрасно знали, сколь сильно напоминают друг друга и лицом, и сложением, и это обстоятельство рождало между ними что-то вроде взаимного доверия и понимания. Больше того, каким-то необъяснимым образом это обстоятельство постоянно подталкивало Коннистона к поступкам, которые могли бы привести его к нарушению присяги. Впрочем, в течение последнего года он довольно успешно сражался с разного рода искушениями, которые внушало ему это сходство. В конце концов, он представлял Закон. Он сам был воплощением Закона. На протяжении двадцати семи месяцев Коннистон неотступно шел по следам Кейда, и все это время в ушах его звучал последний приказ, который он получил, отправляясь на задание: «Не возвращайся, пока не возьмешь этого человека, живым или мертвым». И Коннистон был намерен выполнить приказ, потому что иначе...

Приступ мучительного кашля прервал его размышления. Задыхаясь, Коннистон резко сел на краю кровати и, не сдержавшись, охнул от боли. Его губы обагрились кровью. В то же мгновение Кейд бросился к нему и подхватил под плечи сильной рукой. Он ничего не говорил, и Коннистон, вытерев кровь,

¹ Основанная в 1873 г. под названием Северо-Западная конная полиция, она с 1904 г. стала называться Королевской северо-западной конной полицией, а с 1920 г. — Королевской канадской конной полицией. Эта структура контролирует соблюдение федеральных законов по всей Канаде. — *Здесь и далее примеч. перев.*

негромко рассмеялся, хотя затаившаяся глаза пелена боли еще не рассеялась до конца. Одной рукой он вцепился в запястье Кейда, на котором темнел след от наручников. При виде этого красноватого рубца Коннистон нехотя вернулся к мрачной реальности. Как ни крути, фатум распорядился их жизнями весьма причудливо и трагично.

— Спасибо, старина, — проговорил Коннистон, отдышавшись. — Спасибо. — И он чуть сильнее сжал запястье Кейда.

Над хижинкой бушевал арктический шторм. Он словно силится сровнять с землей крошечный домик, который осмелился вырасти среди унылой, вымороженной приполярной тундры в восьмистах милях от цивилизации. Ветер выл и визжал на разные голоса, стонал от натуги, но не мог ни на дюйм сдвинуть тяжелые бревна сруба; когда же наконец его ярость улеглась и на смену этим звукам пришла сверхъестественная тишина, мужчины явственно ощутили, как промерзшая земля под домом вздрагивает от треска ломающихся ледяных полей. Вместе с этой дрожью до слуха обоих то и дело доносился приглушенный гром, похожий на шум далекой битвы, — миллиарды тонн льда, словно бесчисленные орды воинственных гуннов, рвались по проливу Роз-Уэлком в Гудзонов залив, пробивая себе дорогу среди вздыбившихся торосов.

— Тебе лучше лежать, — сказал Кейд, но Коннистон не слушался.

С трудом поднявшись на ноги, он подошел к дощатому столу, на котором чадил заправленный тюленьим жиром эскимосский кудлик¹. У стола Коннистон слегка пошатнулся от слабости и поспешно сел. Кейд опустил на табурет напротив него. На столе между ними лежала потрепанная карточная колода. Взяв ее в руки, Коннистон машинально перетасовал карты, потом отложил в сторону и, поглядев на Кейда, ухмыльнулся.

— Странно. Очень странно, ты не находишь?.. — спросил он. Коннистон был англичанин, и в его серо-синих глазах даже те-

¹ *Кудлик* (кулик) — лампа из мягкого мыльного камня (стеатита), заправляемая топленным жиром морских животных. Традиционно используется многими народами Крайнего Севера, включая иннуитов, чукчей и юпиков.

перь посверкивали искорки холодного, мрачного юмора. — Странно, но смешно до чертиков... — добавил он.

— Странно, но не смешно, — поправил Кейд.

— Смешно, — настаивал Коннистон. — Ровно двадцать семь месяцев назад — почти ровно, без каких-то трех дней — меня послали за тобой, Кейд. Приказали взять живым или мертвым. И в конце концов я все-таки тебя поймал. Живым... Что ж, если смотреть на это как на состязание — а мы, англичане, все в душе спортсмены, — ты заслуживаешь не петли, а, по меньшей мере, сотни лет жизни. Ты долго водил меня за нос. Я никак не мог тебя настичь и, прежде чем это наконец случилось, прошел семь кругов ада. Я замерзал, я голодал, я тонул... И я три года не видел ни одной женщины... белой женщины. Это было ужасно! Но все-таки я тебя переиграл, и это просто-таки отлично. Я поймал тебя, и доказательство этому ты видишь на своих запястьях. Я тебя превзошел. Согласен? Ну, скажи честно, старина, ведь это была моя последняя большая игра... — В заключительных его словах прозвучали тоскливые, почти жалобные нотки, и Кейд поспешно кивнул.

— Да, ты победил, — сказал он. — И победил заслуженно. Именно поэтому, когда ты отморозил легкие, я не...

— Ты этим не воспользовался, — продолжил Коннистон. — Ну разве это не смешно? Я надел на тебя наручники и уже прикидывал, как бы побыстрее доставить тебя палачу, и тут — бац!.. Резко похолодало, и я не уберегся — мороз обжег мне легкие. И все разом перевернулось с ног на голову. Но вместо того, чтобы отплатить мне той же монетой, вместо того, чтобы прикончить меня, пока я был беспомощен, или хотя бы удрать, ты... ты сделал все, чтобы вылечить меня, старина! Признайся, разве это не забавно? Что может быть смешнее?

Потянувшись через стол, Коннистон взял Кейда за руку. Тут англичанина настиг новый приступ мучительного кашля, и все время, пока он, согнувшись чуть не пополам, пытался с ним совладать, Кейд чувствовал его боль, которая передавалась через судорожно стиснутые пальцы. Наконец кашель унялся, Коннистон поднял голову, и Кейд снова увидел кровавую пену у него на губах.

— Я рассчитал все с точностью до дня, — продолжил Коннистон, вытирая губы скомканным платком, сплошь в пятнах крови, засохших и свежих. — Сегодня у нас среда. До воскресенья я не доживу. Скорее всего, я умру в пятницу вечером. Или в субботу. Таким образом, у меня есть еще два дня, возможно, немного больше. Нет, ничего не говори... Я много раз видел людей с обмороженными легкими и знаю, как это бывает. Когда меня не станет, ты выкопаешь яму, похоронишь меня и... и после этого больше не будешь связан клятвой, которую дал мне, когда я снял с тебя «браслеты». Отсюда вопрос: что ты намерен делать дальше?

На лице Кейда были отчетливо видны следы пережитых лишений и долгих страданий. Вчера они с Коннистоном выясняли, кто из них старше. Кейду было тридцать девять, и он был всего двумя годами моложе человека, который выследил его и сумел захватить, — а теперь умирал в час своей великой победы. Впрочем, до сегодняшнего дня они не говорили о смерти. Эта тема вызывала чувство неловкости у Кейда, который давно уже понял, что ему было бы гораздо проще кого-нибудь убить, нежели сказать человеку, сидевшему сейчас перед ним, что тот обречен. И теперь, когда Коннистон с поразительным хладнокровием и точностью сам отмерил оставшиеся ему часы, у Кейда словно гора с плеч свалилась. Он взглянул англичанину в глаза, и тот ответил таким же прямым взглядом, но на этот раз уже пальцы Кейда сжали запястья полицейского. В тусклом свете коптилки эти двое выглядели как братья.

— Итак, что ты собираешься предпринять? — снова спросил Коннистон.

Под взглядом англичанина лицо Кейда делалось все мрачнее. Наконец он нехотя проговорил:

— Скорее всего, вернусь назад...

— Ты имеешь в виду — в залив Коронейшен? В эти вонючие эскимосские йёглу? Да ты там в два счета спятишь.

— Знаю, — согласился Кейд. — Но никаких других вариантов у меня нет. Ты и сам это понимаешь лучше, чем кто бы то ни было. Кто-то, а ты-то знаешь, с каким упорством меня разыскивали все эти годы. И если теперь я отправлюсь на юг...

На сей раз уже Коннистон кивнул, медленно, задумчиво.

— Да, ты прав, — сказал он. — Полиция охотилась за тобой, но тебе каждый раз удавалось уйти. Но вечно так продолжаться не может. В конце концов тебя найдут даже там, у эскимосов. И... мне очень жаль.

Мужчины разжали руки и сели прямо. Коннистон набил трубку, зажег от коптилки тонкую щепу. Пока он прикуривал, рука его совершенно не дрожала, и Кейд в очередной раз восхитился самообладанием англичанина.

— Да, мне жаль, — повторил Коннистон. — Ты понравился мне, Джон. Хотел бы я, чтобы мы были братьями и... и чтобы ты не убивал того человека. В ту ночь, когда я догадался пустить по твоему следу собак, я чувствовал себя последним негодяем. Я ни за что не сказал бы этого тебе, если бы не проклятое легкое, но теперь молчать больше нет смысла. Мне кажется, это несправедливо — три года гонять человека по всему Северу, преследовать его, как крысу, от одной норы к другой, а потом взять и повесить. Быть может, кто-то этого и заслуживает, но не ты. Я это знаю, чувствую. Не хочу ни о чем допытываться, старина, но почему-то я больше не верю «фактам», которые собрало следствие. Готов поспорить на что угодно: на самом деле ты вовсе не такой, каким тебя изображали. Мне хотелось бы знать только одно: почему ты убил судью Киркстоуна?

Руки Кейда, все еще лежавшие на столе, сами собой сжались в кулаки, голубые глаза потемнели от вспыхнувшего в них мрачного огня. На несколько мгновений в хижине наступила мертвая тишина, которую нарушал только непрекращающийся, сводящий с ума визгливый лай охотящихся песцов, заглушавший даже далекую канонаду льдин.

ГЛАВА II

— Почему я убил судью Киркстоуна? — медленно повторил Кейд. Его пальцы снова расслабились, но в глазах продолжала гореть ярость, которая так и не остыла за прошедшие годы. — А что говорят «факты», которые собрало следствие, Дерри?

— По нашим сведениям, ты его убил. Убил совершенно хладнокровно, а затем скрылся. И теперь, если тебя, паче чаяния, не повесят, репутация полиции может оказаться под угрозой.

— Что ж, очень хорошо... — задумчиво проговорил Кейд. — Любопытная точка зрения. А если я скажу, что не убивал судью?

Коннистон чуть подался вперед, и это движение не укрылось от собеседника. Но в следующее мгновение плечи англичанина вновь сотряс приступ мучительного кашля. Когда кашель стих, лицо Коннистона блестело от пота, а каждый вдох сопровождался громким хрипом.

— Боже мой, — проговорил он невнятно. — Кажется, я ошибся. Это случится не в субботу и не в пятницу. Кейд, я уму раньше!

— Нет-нет! — поспешно отозвался Кейд, чувствуя, как у него отчего-то стиснуло горло. — Время еще есть. Ты лучше приляг.

Коннистон сделал над собой усилие и собрался.

— Нет уж, спасибо. Не хочу сдохнуть как кролик, — проговорил он насмешливо. — Я задал тебе вопрос, а лгать умирающему не полагается. Итак, ты убил судью?

— Я... не... знаю, — с расстановкой произнес Кейд, глядя англичанину прямо в глаза. — Я так думаю, но я... не уверен. Да, в тот вечер я пришел к нему домой с твердым намерением добиться справедливости — или прикончить его. Хотелось бы мне, чтобы ты взглянул на дело моими глазами, Коннистон. Пожалуй, ты бы смог, если бы знал моего отца. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. Отец воспитывал меня один, и с годами мы крепко сдружились. Честно говоря, мне кажется, я никогда не видел в нем просто отца. Отцов много, а он был для меня чем-то гораздо большим. С тех пор как мне исполнилось десять, мы были неразлучны. Когда мне стукнуло двенадцать, он рассказал мне о вражде между ним и Киркстоуном, но тогда я не придавал этому значения — главным образом в силу возраста. Мне тогда казалось, что вражда будет просто длиться и длиться и ничем серьезным не закончится, но я ошибся. В конце концов судья подловил отца, и я понял, что старый мерзавец много лет ждал своего шанса. И дождался... С начала и до конца это было ложное обвинение, которое подкреплялось

подтасованными уликами, но отец попался в ловушку. Сначала он думал, что судья ни при чем, что обвинение подстроено политическими противниками, но потом мы узнали правду. Состоялся суд, и отца отправили в тюрьму на десять лет. Он был невиновен, но доказать это мог лишь Киркстоун, заклятый враг отца, который, словно Шейлок¹, с вожделением жаждал своего фунта мяса. Зная все это, что сделал бы ты, Коннистон, на моем месте?

Англичанин, который только что поджег от масляной лампы еще одну лучину, собираясь вновь раскурить погасшую трубку, немного помешкал и наконец вздохнул:

— Даже не знаю, старина. А что сделал ты?

— Я в буквальном смысле встал перед старой сволочью на колени, — ответил Кейд. — Я умолял его, как ни один человек не умолял другого, пощадить моего отца. Я знал, что судье достаточно сказать всего несколько слов, и отца отпустят на свободу. Я предлагал Киркстоуну все, что у меня было, в том числе собственное тело и душу, но... Господи, я, наверное, никогда не забуду этот вечер! Коннистон развалился в кресле, жирный и весь какой-то масляный, похожий на огромную жабу, а на его коротких толстых пальцах сверкали дорогие перстни. И он смеялся, словно я был дрессированным пуделем, который проделывает для него забавные трюки, — смеялся и качал головой. Но мне было не до смеха, мое сердце буквально обливалось кровью, и я продолжал просить и унижаться. Потом в комнату вошел его сын — такой же толстый и скользкий, как его негодяй-отец, и тоже начал смеяться надо мной. До этого момента я даже не представлял, что способен так ненавидеть и что удавшаяся месть порождает такую бесовскую радость. Когда я вышел из их дома, издевательский хохот продолжал звучать у меня в ушах. Я никак не мог его забыть, он чудился мне в шуме деревьев, в завываниях ветра, в плеске реки. Он переполнял мой мозг. И я не выдержал — повернул обратно и без стука вошел в проклятый дом. Они сидели в той же комнате, судья и его сынок.

¹ Шейлок — ростовщик из пьесы Шекспира «Венецианский купец», ссудивший деньги купцу Антонио с условием в случае неуплаты долга вырезать из тела должника фунт мяса.

На этот раз я не собирался просить — я готов был добиться справедливости или убить. Так я решил, Коннистон. Можешь считать это умыслом на убийство, хотя никакого оружия у меня с собой не было. В двери торчал ключ, и я запер ее за собой, когда вошел. Потом я повернулся к судье и высказал ему прямо в лицо, чего я от него хочу. Я не стал тратить много слов — так и сказал ему: или — или...

Вскочив из-за стола, Кейд принялся в волнении расхаживать по комнате из стороны в сторону. Ветер снова стих, и снаружи доносилось только тявканье песцов и далекий грохот трескающегося льда.

— Сынок судьи первым бросился на меня, — продолжил Кейд. — Он прыгнул вперед, и я его ударил. Сцепившись, мы упали на пол, и тут к нашей свалке присоединился судья. Он что-то схватил — сначала я даже не разобрал, что это было, сообразил только, что эта штука очень тяжелая. Первым же ударом он чуть не сломал мне плечо, но я сумел вырвать тяжесть у него из рук. Это был длинный прямоугольный брусок из бронзы или латуни, который судья использовал как пресс-папье. В следующее мгновение я увидел, что сын судьи хватает со стола еще один такой же брусок. При этом он смахнул со стола лампу, она погасла, и дальше мы боролись в полной темноте. Мне казалось — я сражаюсь не с людьми, а с выползшими из ада чудовищами. Во всяком случае, у меня возникло ощущение, будто я очутился в темноте один на один с двумя огромными ядовитыми змеями. Да, я бил изо всех сил, но и сынок судьи меня не жалел. К счастью, ни один из нас ничего не видел. В какой-то момент я почувствовал, что куда-то попал, и тут же судья издал хрип и осел на пол. Что было дальше, ты знаешь. На следующее утро в комнате нашли только один латунный брусок, на котором были кровь и волосы судьи. Второй брусок его сын припрятал. Как видишь, у меня не имелось ни единого шанса оправдаться, и я ударился в бег. Через полгода после этого мой отец умер в тюрьме, и с тех пор полиция шла по моим следам, как гончие за лисицей. Вот и все, Дерри. Было ли это хладнокровным убийством? И если я все же убил судью, как по-твоему, жалею ли я об этом, пусть даже теперь мне грозит виселица?

— Ну-ка сядь!.. — Голос англичанина прозвучал повелительно.

И Кейд, тяжело дыша, вернулся на табурет у стола. В серо-стальных глазах Коннистона он увидел какой-то странный огонек.

— Когда человек уверен, что будет жить, он многого не замечает. Но все меняется, если он точно знает, что скоро умрет. Расскажи ты мне эту историю месяц назад, я бы все равно доставил тебя в Принс-Альберт, где тебе очень скоро приладили бы на шею пеньковый галстук. Это моя работа и мой долг, и тут ничего не поделаешь. Кроме того, я мог бы решить, что ты лжешь. Но сейчас тебе нет никакого смысла мне лгать. Похоже, судья Киркстоун заслуживал смерти. Так, во всяком случае, я думаю, поэтому сделаем вот что: забудь про становища эскимосов и залив Коронейшен. Ты отправишься на юг. Вернешься, так сказать, в землю обетованную. Но не как осужденный преступник Джон Кейд, а как капрал Северо-Западной королевской конной полиции Дервент Коннистон. Ты понимаешь меня, Кейд? Смекнул, что я тебе предлагаю?

Кейд уставился на него во все глаза. Англичанин подергал себя за ус, и в его глазах сверкнула насмешка. Этот план Коннистон обдумывал уже некоторое время и прекрасно представлял себе, как обалдеет приятель, когда он все выложит.

— А что, чем не план, старина? — спросил Коннистон невозмутимо. — Ты пришелся мне по душе. Признáюсь откровенно, ты мне даже нравишься. Не вижу причин, почему бы тебе не занять мое место. Никаких моральных препятствия к этому я не нахожу. Меня никто не хватится. Дóма, в Англии, меня считали паршивой овцой, и, когда мне пришлось выбирать между Африкой и Канадой, я выбрал Канаду. Английская спесь — самая глупая вещь на свете, и я уверен, что вся родня в Старом Свете считает меня мертвым. Я не подавал весточки о себе уже лет шесть или семь, и меня давно забыли. А самое замечательное в моем плане — это то, что мы с тобой похожи как две капли воды. Если немного подровнять усы, подстричь бороду и добавить шрам над правой бровью, можешь без страха показаться на глаза инспектору Макдауэлли. Готов поклясться, что стоит ему тебя увидеть, как он бросится к тебе с криком: «Боже мой, да

это же старина Дервент Коннистон!» Собственно говоря, Кейд, это все, что я могу для тебя сделать, — оставить тебе свое имя и свою одежду. Но мне не жалко. Послезавтра все это будет мне уже без надобности.

— Это... невозможно! — проговорил Кейд. — Ты сам не понимаешь, о чем говоришь!

— Прекрасно я все понимаю, — отрезал Коннистон. — Мне больно говорить, поэтому, прежде чем открыть рот, я взвешиваю каждое слово. И пожалуйста, не надо со мной спорить. Лично я считаю, это будет самая лучшая шутка в моей жизни. Когда я умру, ты можешь похоронить меня прямо в хижине: под полом земля помягче, да и песцы здесь до меня не доберутся. Не знаю, есть ли что-нибудь по другую сторону, или нет, но мне будет приятно думать, что мое имя останется жить, что ты наденешь мою одежду и вернешься к цивилизации, чтобы рассказать инспектору Макдауэллу, как настиг преступника, который умер у тебя на руках, потому что ухитрился по глупости отморозить себе легкие. В качестве доказательства можешь отвезти ему собственные лохмотья и другие личные вещи. И приготовься: Макдауэлл не замедлит произвести тебя в сержанты. Он обещал мне это, когда отправлял в погоню за тобой. Ну, понял?.. Инспектор не видел меня два года и три месяца, поэтому не должен ничего заподозрить, даже если ему покажется, будто я немного изменился. Это только естественно, особенно если учесть, сколько времени ты — или я — провел в суровых и диких краях на севере. Но самое главное, что мы с тобой похожи как две горошины из одного стручка. Ну, что скажешь? Помому, идея прекрасная!

Захваченный собственным планом, Коннистон в азарте почти позабыл о неминуемой смерти. И Кейд, чье сердце отчаянно забилося при мысли о том, что сулит ему эта дерзкая затея, вдруг понял: несмотря на все трудности, у него может получиться. Никто на юге не узнает в нем Джона Кейда, каким он был четыре года назад. Тогда он брил бороду и усы, слегка сутулился и не отличался богатырским сложением. Теперь же Кейд был похож на большого, гладкого, сильного зверя. Несколько

лет борьбы с дикой природой и жизненными трудностями закалили его тело и дух, так что он почти сравнялся с Коннистоном. Теперь они выглядели даже не как близнецы, а как зеркальные двойники.

Коннистон, похоже, угадал его мысли, и глаза англичанина довольно блеснули.

— Думаю, все дело в том, что мы с тобой основательно выросли, — сказал он. — Все бородачи похожи друг на друга. Борода и усы способны скрыть немало физических изъянов — или в нашем случае различий. Я носил бороду еще до того, как отправился в погоню за тобой. Правда, мне приходилось держать ее в порядке, как ты понимаешь, так что тебе тоже придется регулярно бывать у парикмахера. Главное, не вздумай ее сбрить. С бородой у тебя не будет ни полшанса попасться — я имею в виду с точки зрения внешности. Ты выглядишь точь-в-точь как я. Но, чтобы хорошо сыграть роль, одного внешнего сходства мало. В ближайшие двадцать четыре часа тебе предстоит накрепко запомнить историю жизни некоего Дервента Коннистона начиная с того дня, когда он поступил на службу в Северо-Западную конную полицию. Того, что было раньше, мы касаться не станем — это было давно и вряд ли тебе понадобится. Наибольшую опасность представляет для тебя инспектор Макдауэлл, командир дивизиона «Ф» в Принс-Альберте. Это настоящий лис в человеческом обличье, старый служака, — усы и прочее, — который видит на десять футов под землей. Но у него большое сердце. Он был моим хорошим приятелем, поэтому вместе с историей Дервента Коннистона тебе придется выучить кое-что и о Макдауэлле. Есть кое-какие вещи, которые... О господи!.. — Коннистон прижал руки к груди и снова зашелся в мучительном кашле, который, казалось, рвал его грудь на куски.

Как назло, снаружи снова задул ветер, протяжный вой и визг которого, дополняя тявканье песцов и треск льда, делали атмосферу в хижине по-настоящему гнетущей.

Тем вечером в желтом свете коптящей масляной лампы было положено начало неслыханному и опасному предприятию. Двое суровых, сосредоточенных мужчин — один чувствовал

близость смерти и всеми силами старался ее отсрочить, а другой молился, чтобы Бог дал ему больше времени, — приступили к обмену личностями. Впрочем, с самого начала это была битва Дервента Коннистона, и Кейд, глядя на него, понимал, что последнее предпринятое им могучее усилие сокращает количество оставшихся ему часов. До сих пор Кейд любил в жизни только одного человека — своего отца. В эти минуты он прикипел сердцем к Коннистону. У него даже вырвалось горькое восклицание: мол, несправедливо, что он останется жить, когда англичанин умрет. В ответ Коннистон только улыбнулся и накрыл его руку своей, и Кейд почувствовал, как холодны влажные от испарины пальцы.

В течение последующих часов Кейд чувствовал, как сила и мужество умирающего переходят к нему, становясь частью его существа. Это было что-то невероятное! Коннистон, побеждавший боль усилием воли, казался ему почти святым, и Кейд ощущал, как его собственная измученная, больная, искалеченная душа наполняется силой и надеждой. А он-то считал себя ровней Коннистону! Нет, ему еще предстояло многое сделать, чтобы хотя бы приблизиться к англичанину, научиться его спокойному мужеству и умению владеть собой в обстоятельствах, когда никакой надежды уже нет и быть не может.

Свой рассказ Коннистон начал с самого важного. Он поведал Кейду о том, при каких обстоятельствах познакомился с Макдауэллом, а потом — между приступами жестокого кашля, после которых его губы неизменно окрашивались красным, — рассказал о нескольких памятных случаях, которые Кейду следовало знать. Один раз Коннистон даже улыбнулся, припомнив, как однажды Макдауэлл взял с него слово никому не говорить о происшествии, которое инспектору хотелось скрыть от подчиненных, ибо в противном случае над ним потешалась бы вся казарма. Да, в некоторых отношениях инспектор Макдауэлл был человеком чувствительным и деликатным!

После подробного инструктажа Коннистон заставил Кейда встать посередине комнаты и, по-прежнему сидя за столом, некоторое время обучал его основным строевым приемам. По-видимому, результат его удовлетворил, поскольку сразу после это-

го он вручил Кейду потрепанный устав полицейской службы и велел учить его, пока сам будет отдыхать. Кейд помог товарищу перебраться на койку и принялся читать, но строки расплывались у него перед глазами, а утомленный мозг отказывался воспринимать прочитанное. Да и натужное, хриплое дыхание англичанина угнетало его, причиняя почти физическую боль. В горле стоял тугой комок, и в конце концов Кейд поднялся из-за стола и вышел из хижины в мгlistый, серый сумрак полярной ночи.

Остановившись в двух шагах от двери, он с наслаждением вдохнул полной грудью чистый воздух, в котором ощущалась ледяная свежесть. Но мороза не было. Наступила куаске-хо — Великая Перемена. Зима еще сопротивлялась приходу весны, но тепло постепенно побеждало, и земля под ногами Кейда вздрагивала, вторя последним залпам извечной битвы. Здесь, на открытом воздухе, были еще отчетливее слышны хруст, треск и грохот огромных льдин, несомых в Гудзонов залив арктическими течениями. Над головой нависало ночное небо. Оно было необычным — не черным, а бледным, призрачно-серо-прозрачным, навевающим мысли о погребальных покровах, из складок которых доносились стоны ветра, летящего высоко среди клубящейся мглы, сквозь которую едва проглядывали тусклые звезды. Еще немного, подумал Кейд, и эти звуки сведут его с ума. Даже сейчас ему казалось, что он слышит голоса, перекликающиеся в белесой пелене над горизонтом. За последние месяцы его напряженный слух много раз ловил в этой какофонии то детский плач, то женские рыдания, то пронзительный визг призраков, которые корчились в предсмертных муках или злорадствовали, дразнили, издевались, торжествовали. Не раз и не два ему приходилось видеть эскимосов, которые, хотя и родились в этом аду, не выдерживали пытки бесконечной, разноголосой тьмой. Самые слабые сходили с ума и, сорвав одежду, нагишом убегали в безжалостную ледяную мглу, чтобы там умереть и сделаться добычей песцов или белых медведей. Коннистон теперь так и не узнает, как близко Кейд подошел к самому краю, когда англичанин настиг его и взял в плен. Полицейский спас его от безумия, но рассказывать об этом Кейд

не собирался. Он считал, что это только его тайна и Коннистону вовсе незачем ее знать.

Даже сейчас он невольно пригнулся, когда резкий порыв ветра, сорвавшись из поднебесья, с пронзительным визгом, от которого звенело в ушах, налетел на прижавшуюся к земле хижину, но уже в следующее мгновение Кейд выпрямился, расправил плечи и рассмеялся. Даже тявканье песцов больше не действовало ему на нервы. У него появилось будущее, на которое он взирал с жадностью человека, долго блуждавшего по пустыне и вдруг завидевшего на горизонте озеро, полное прозрачной холодной воды. Благословенная страна!.. Зеленые леса и голубые реки в бликах золотого солнца. Согретые теплом прерии. Он почти забыл, что все это действительно существует на свете. Лес, река, солнце, белые женщины... Их лица возникли перед его мысленным взором, и Кейд будто наяву услышал их голоса, трели птиц и жужжание насекомых, ощутил под ногами упругую мягкость земли, повитой ароматами травы и цветов. Да, он почти забыл о том, что когда-то составляло часть его жизни и дарило радость. Еще вчера ему казалось, что все это просто призраки, фантазии, сны (и не разберешь, хорошие или кошмарные) и что он понемногу сходит с ума, но сегодня все переменялось, и они вновь обрели несомненную реальность. И не беда, что он их не видит. Они есть, просто остались далеко на юге, и скоро он туда отправится.

Кейд поднял обе руки к небу, из его горла исторгся громкий крик, в котором звучали ликование и торжество победителя. Три года непрерывных испытаний и опасностей едва не dokonали его, но он выжил. Выдюжил. Три года он, словно лиса, по следу которой идут собаки, перебегал от укрытия к укрытию — от норы к норе, как выразился Коннистон. Три года он голодал, мучился от холода и одиночества столь глубокого, что оно едва не надломило его душу, — и вот теперь он возвращается домой!

Когда Кейд вновь вошел в хижину, первым, что он увидел, было озаренное тускло-желтым светом лицо англичанина, который вновь сидел за столом. Коннистон улыбнулся ему загадочной, страдальческой улыбкой и прижал ладонь к груди. Пе-

ред ним на столе лежали карманные часы с открытой крышкой, стрелки которых показывали ровно полночь. Пора было продолжить урок.

И совсем уж глубокой ночью Коннистон накалил над огнем масляной лампы ствол своего револьвера.

— А теперь самое приятное, дружище, — проговорил он. — Боюсь, будет немного больно, но шрам над глазом тебе необходим. Без него ничего не выйдет. Зато какая великолепная шутка, а? Отличнейшая!.. — повторил он. — Так над стариной Макдауэллом еще никто никогда не шутил!..

ГЛАВА III

Прошел день, наступили вечерние сумерки, и осунувшийся Кейд, почти по-женски всхлипнув, поднялся со стула рядом с койкой Коннистона. Англичанин знал, что умрет, но умер он, сражаясь со смертью до конца, до последнего слабого вздоха, сорвавшегося с его уст. И даже в этот последний миг жизни он сумел произнести слова, которые за прошедшие сутки повторял несколько раз: «Запомни, старина: все будет решено, как только Макдауэлл тебя увидит. Ты либо погибнешь, либо победишь». Потом у него в груди что-то заклокотало, а через мгновение Коннистон уже был мертв.

Жгучие слезы подступили к глазам Кейда, все вокруг расплылось, и он впервые подумал о том, какая это большая честь — носить имя такого человека, как Дервент Коннистон.

Теперь это было его имя. Джон Кейд умер, Дервент Коннистон остался жить. И чем пристальнее Кейд вглядывался в холодное, неподвижное лицо отважного англичанина, тем сильнее ему казалось, что их затея не так уж глупа и безумна. Нетрудно назваться чужим именем. Труднее жить так, как мог бы жить этот мужественный человек, но он постарается.

Той ночью ветер улегся, и грохот льдин слышался особенно отчетливо и ясно. Небо расчистилось и наполнилось звездами — злыми желтыми глазами, которые словно подглядывали за ним сквозь дыры в угольно-черном бархатном балдахине над головой.

Около полуночи Кейд снова вышел из хижины подышать свежим воздухом. Подняв голову, чтобы взглянуть на удивительное полярное небо, он невольно содрогнулся. Эти звезды... Они казались живыми существами, и все они смотрели на него. Под их пронизывающими, злобными взглядами песцы возобновили свой праздник, и Кейду почудилось, будто те окружают хижину, берут ее в кольцо. Даже их тявканье показалось ему другим: настойчивым, голодным, пугающим. Коннистон, впрочем, предупредил его, что маленькие белые твари начнут подбираться все ближе, когда почуют покойника, и Кейд, поспешно вернувшись в хижину, решил, не откладывая, выполнить свое обещание.

Когда за окнами затеплился бледный рассвет, работа была закончена, и спустя какой-нибудь час Кейд уже стоял возле зарослей кустарника, где заканчивалась арктическая тундра. Прежде чем двигаться дальше, он обернулся, желая бросить последний взгляд на маленькую хижину, под полом которой нашел последнее пристанище англичанин. Она стояла посреди бескрайней заснеженной равнины, одинокая и покинутая, но не сложенная, не ведающая страха, — достойный памятник человеку безграничного мужества и щедрой души. За ее седыми от инея стенами хранилось теперь сокровище, которое наконец-то дало ей причину и мотив сопротивляться времени и непогоде по крайней мере до тех пор, пока не сгниют и не рассыплются в прах толстые бревна, из которых она была сложена много лет назад. Коннистон умер, но его живой дух проник, впитался в ее стены. И пусть теперь лают песцы, пусть бушуют ветры, пусть зима сменяется зимой, а ночь — новой полярной ночью. Все равно старая хижина будет держаться до последнего, как до последнего держался Дервент Коннистон, настоящий английский джентльмен, чей дух не могли сломить ни страх смерти, ни страдания.

Глядя на хижину, Кейд обнажил голову. «Да упокоит тебя Господь, Коннистон!» — прошептал он, потом снова надел шапку и медленно пошел на юг. Впереди лежали восемьсот миль заснеженных равнин, болот, крутых гор и дремучих лесов, за которыми располагался на берегу реки Саскачеван небольшой

Кервуд Дж. О.
К 36 Долина Молчаливых Великанов : романы / Джеймс Оливер Кервуд ; пер. с англ. В. Гришечкина, А. Гуровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 608 с. + вкл. (24 с.). — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34281-1

Три приключенческих романа Джеймса Оливера Кервуда в новых переводах!

«Долина Молчаливых Великанов». В последнем человеческом обиталище на границе диких, нетронутых цивилизацией земель Северной Канады начинается история офицера Королевской Северо-Западной конной полиции Джеймса Кента. Получив тяжелое ранение, он на пороге смерти решает взять на себя чужую вину, чтобы спасти от виселицы старого друга. Но Кент выжил, и его опрометчивое решение, продиктованное дружбой и долгом чести, запускает цепь опасных событий.

«Там, где начинается река» — захватывающий роман, в котором суровая красота Севера становится фоном не только для напряженной погони офицера за преступником, но и тонкой психологической игры, полной неожиданных откровений.

«Объятый пламенем». Сержант Королевской Северо-Западной конной полиции Дэвид Кэрриган отправляется в одиночную экспедицию на поиск очередного преступника. Погружаясь в дебри канадских лесов, он все чаще задается вопросами: где проходит граница между справедливостью и законом и что важнее в момент, когда на кону человеческая жизнь?

В книгу включены редкие иллюстрации Уолта Лаудербека и Дина Корнуэлла.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД

ДОЛИНА МОЛЧАЛИВЫХ ВЕЛИКАНОВ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Редактор Татьяна Филатова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова

Корректоры Анастасия Новосельцева, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.10.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 38,71 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-43699-01-R